Газета ежедневная, кромѣ понедѣльниковъ.

СИБИРЬ

VI-й г. изданія. Иркутскъ. Суббота, 13 октября 1912 г.

№ 229.

Подписная цѣна: внутри Имперіи: на годъ съ пересылкой и доставкой на домъ—9 руб., на полгода—5 руб., на три мѣсяца—3 руб., на 1 мѣсяцъ—1 руб. За границу: на годъ—14 руб., на 1/2 г.—8 руб., на 1/4 г.—5 руб., на 1 мѣс.—2 руб. Подписка для городскихъ подписчиковъ принимается съ 1 и 15 каждаго мѣсяца, иногороднихъ же—только съ 1 числа. За перемѣну адреса—40 к.

Цѣна объявленій: за строку петита: впереди текста—20 коп., позади текста—10 коп., многорядныя объявленія за строку петита впереди текста—30 коп., позади текста—15 к., объявленія съ предложеніемъ труда оплачиваются въ половинномъ размѣрѣ. Редакція и контора газеты помѣщаются въ домѣ Зицерманъ, Большая улица.

По дѣламъ редакціи можно обращаться въ помѣщ. ред. отъ 12 до 2 ч. дня ежедневно, кромѣ воскресныхъ дней. Контора газеты открыта съ 9 ч. утра до 5 ч. веч. Телеф. редак. и конторы газеты № 431. Телеф. редактора № 356.

Срочныя объявленія послѣ 5-ти ч. веч. могутъ быть одаваемы въ типографію И. П. Казанцева. Тел. тип. 297.

Цѣна номера въ розничной продажѣ—5 к.

Объявленія изъ всѣхъ мѣстъ и странъ принимаются непосредственно въ конторѣ газеты въ Иркутскѣ а также въ конторахъ Торг. Дома Л. и Э. Метцль и К° (Москва—Мясницкая, д. Сытова; Варшава—Маршалковская, № 130 и Петербургъ—Б.-Морская, 11).

ИРКУТСКІЙ ДЕНЬ.

Театръ и музыка.

Горе отъ ума.—11 октября.

«Каждый разъ на этомъ самомъ мѣстѣ»..

Всѣмъ извѣстно, въ какихъ случаяхъ жизни вырывалось это классическое изреченіе у ямщика изъ разсказа Горбунова.

Въ точно такое же казусное положеніе попадаетъ и труппа городского театра всякій разъ, когда она переступаетъ за уготованныя ей по составу артистовъ рамки салонныхъ пьесъ—въ область классическаго репертуара...

Такъ это было и съ первою постановкою „Горе отъ ума», и съ постановкою «Уріэля Акосты». Такъ, но въ еще болѣе горшей степени, случилось и съ вторичною постановкою грибоѣдовской комедіи...

Это былъ одинъ сплошной «зеленый ужасъ», какъ говорятъ гг. декаденты. Это было уже не горе отъ ума, а, въ полномъ смыслѣ слова, горе отъ.. плохого исполненія и отъ крайне небрежной постановки. Отъ послѣдней—въ особенности.

Но сперва—объ исполненіи.

По сравненію съ первой постановкой этой пьесы въ смыслѣ распредѣленія ролей, большихъ перемѣнъ не произошло. Былъ замѣненъ только исполнитель роли Чацкаго.

По своимъ внѣшнимъ даннымъ выступившій на этотъ разъ въ роли Чацкаго г. Пасецкій оказался болѣе на мѣстѣ, чѣмъ артистъ, игравшій эту роль при первой постановкѣ пьесы. Въ обличительныхъ мѣстахъ роли замѣчалось больше силы, энергіи. Но чувства, искренности въ мѣстахъ лирическихъ г. Пасецкій проявилъ значительно меньше. Отъ внѣшней передачи роли вѣяло трафаретомъ, казенщиною. Общее впечатлѣніе таково, что *хорошаго* Чацкаго въ труппѣ все таки нѣтъ. А безъ этого—и вся пьеса обращается въ ничто...

Изъ остальныхъ исполнителей попрежнему на мѣстѣ г-жа Максвѣтова въ роли Лизы.

Увѣренно, чѣмъ въ первый разъ, вела роль Софьи г-жа Кодинецъ. Попрежнему не возвысился до сколько нибудь яркой передачи Фамусова г. Масснъ. Попрежнему безукоризненны гг. Сашинъ (Загорѣцкій), Дорошевичъ (Репетиловъ), г-жа Бородкина (Горичева) и попрежнему же не удержался отъ шаржировки г. Городецкій въ роли Молчалина, тщетно пытался изобразить «всамдѣлишнаго» Скалозуба г. Громадовъ и безцвѣтно изображалъ кн. Тугоуховскаго г. Гаринъ.

Переходя къ разбору постановки пьесы, приходится отмѣтить, что хотя пьеса шла вторично и почти всѣ исполнители были тѣ же, что и въ первый разъ, но тѣмъ не менѣе наблюдались большія заминки и Іаровы. Такъ, въ концѣ второго дѣйствія, послѣ ухода Молчалина, забыли своевременно выпустить на сцену Софью, и Лиза уже начала свой монологъ «подъ занавѣсъ», какъ должна была остановиться при неожиданномъ появленіи Софьи.

Во время монолога Чацкаго въ концѣ 3-го акта Скалозубъ запоздалъ во время увести Софью, танцы начались послѣ произнесенія монолога,—почему знаменитое: «Глядь» было у Чацкаго потеряно. Въ четвертомъ актѣ Лиза, при абсолютной тишинѣ за кулисами, произносилъ: «стукъ шумъ, сюда бѣжитъ весь домъ», и уже послѣ этого начинается дѣйствительный «стукъ и шумъ». Подобныхъ примѣровъ режиссерской оплошности, при желаніи, можно было подмѣтить сколько угодно.

Не совсѣмъ бережно отнесся режиссеръ г. Пасецкій и къ грибоѣдовскому тексту. Были допущены нѣкоторыя ненужныя купюры (діалоги княжемъ о платьяхъ въ 7 мъ явленіи 3-го акта и др.) Знаменитая реплика Загорѣцкаго о басняхъ прошла «по старинѣ», съ усѣченнымъ концомъ («кто что ни говори, хоть и животный» и т. д.), хотя драматическою цензурою послѣ 1905 г. усѣченная часть этой реплики была возстановлена, о чемъ не можетъ не знать ставившій пьесу.

Небрежность внѣшней постановки сказалась особенно ярко въ сценѣ разъѣзда. Здѣсь наблюдались казусы, которыхъ не приходилось видѣть даже у любителей. Для гостей не озаботились приготовить шубы, и *во время хода дѣйствія* лакеи приносили ихъ за кулисъ шубы и развѣшивали ихъ. Иногда одна и та же шуба возвращалась на сцену по нѣскольку разъ, что немало веселило часть публики. Наталья Дм. Горичева ушла домой въ *лѣтнемъ пальмѣ* (это въ зимній-то морозъ). У Загорѣцкаго не оказалось шляпы и онъ принужденъ былъ сходить за нею за кулисы, прежде чѣмъ уйти со сцены. Чацкій ушелъ совсѣмъ безъ шубы и уже въ дверяхъ кто-то догадался накинуть ее на него.

«Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно»... За бѣднаго автора, кости котораго, вѣроятно, не разъ перевернулись въ гробу отъ подобной режиссерской *небрежности*.

Публики на спектаклѣ было немного.

К. Дубровскій.